и «диалекты», или «наречия», является чистой условностью. Где, в самом деле, граница между «языком» и «его» наречиями? «Язык вообще» есть чистейшая абстракция. Строго говоря, существует столько же языков, сколько есть людей на свете, обладающих даром речи. Вне говорящих людей нет языка; стихотворение Пушкина «существует» в собрании сочинений Пушкина лишь «виртуально»; «реально» же — только в тот момент, когда я его читаю. Но нет двух людей, которые бы говорили на «одном и том же» языке совершенно одинаково. Вне говорящих на «одном и том же» языке людей есть только одно: некоторая общая граница, полагающая предел их языковому творчеству, каковым является всякое говорение. Это синтаксис «виртуального» языка и его словарь. Словарь «языка вообще» и словарь каждого говорящего на нем — далеко не одно и то же. Ни один русский не пользуется всеми словами, имеющимися у Даля, и ни один француз не нуждается в своем обиходе во всех словах, занесенных Литтре в его словарь. У Даля имеется множество слов «областных», а также множество слов, правда, более или менее общерусских, но «простонародных». Лишь часть слов, известных Далю, попала в русский «литературный» язык. И можно быть уверенным, что кроме слов, занесенных в словарь Даля, слов «областных» или «классовых», не «литературных», есть еще великое множество других. Слова постоянно «нарождаются» и постоянно «умирают»: несомненно, что много слов, которые приходилось слышать Далю, теперь уже услышать нельзя. В этом отношении «литературный» язык устойчивее. Литература обеспечивает словам долгую, иной раз и вечную жизнь; но она же и кладет преграды дальнейшему обогащению «литературного» словаря. Не всякий отважится напечатать слово, которого нет у Толстого или у Тургенева. Литература создает «классический» язык, т. е. «образцовый», следовательно, в известном смысле — мертвый. Иерархия «языка» и его диалектов возникает вместе с литературой. Диалекты данного языка это тот же самый язык, но только язык живой, в отличие от литературного «мертвого». Ясно, что каждый «диалект» может стать «языком» и каждый язык — упасть до степени диалекта. Провансальский язык стал «языком» раньше нынешнего французского. На этом языке существовала богатая и очень «ученая» поэзия, в свое время сильно повлиявшая на развитие поэзии романских народностей вообще. Что же стало с этим языком? Он заглох, оскудел, после того как Лангедок утратил свою самостоятельность, после того как Арль, Авиньон и Монпелье уступили свое место Парижу. Он обратился в «провинциальный» язык, на нем перестали писать стихи для «куртуазного» общества, его классики были забыты. Заглохши, он — «воскрес», из «классического», «мертвого» языка сделался «живым», т. е. «диалектом». Соотечественники Тартарена в произведениях Бертрана де Борна или Пейра Кардиналя не находили — потому что они их забыли — никаких препон своему языковому творчеству. В половине XIX в. у провансальцев явился большой поэт, Мистраль. Его поэма «Мирейс» стала «классической». С Мистралем связано движение «фелибров», «Félibrige» возродило провансальский язык, если можно употреблять глагол «возродить», когда речь идет об обращении «живого» языка в «мертвый», чем более или менее всегда является переход «диалекта» на степень «языка».

Из того, что каждый «диалект» может стать «языком», некоторые делают тот вывод, что в условиях «нормального» развития он им и должен стать. В настоящее время мы присутствуем при весьма курьезном — но и зловещем — процессе искусственной выделки «языков» из диалектов русского языка. Ясно, что там, где у данной диалектологической группы нет литературы,— а ее у нее нет никогда, ибо если бы она была, то «диалект» тем самым стал бы «языком», а диалектологическая группа нацией — приходится выдумывать такие черты, которые бы служили основанием для отторжения данного «диалекта» от его «языка». Таким вымышленным признаком является, например, фонетика «белорусского языка».

«Создатели» этого последнего «закрепляют» эту фонетику, долженствующую служить, в их представлении, «титулом» на право белорусского языка быть повышенным из «диалектов» в «языки» путем правописания. То начертание,